

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

НЕ ЛЮБО – НЕ
СЛУШАЙ, А ЛГАТЬ НЕ
МЕШАЙ

Народное творчество (Фольклор)

Не любо – не слушай, а лгать не мешай

Аннотация

«У старика было три сына: один хромой – больно наперегонки гонялся, а третий, хоть был косолапый, зато только и знал, что ворон считал.

Вот раз пошли стариковы сыновья в лес дрова рубить. Пока хромой работать собирался, пока безногий чесался, а косолапый всех, ворон пересчитал, глядь – и вечер настал. Пора ужин варить, а огня нету... Как быть, как горю пособить? Хромой был умен, безногий – хитер, а косолапый – догадлив: срубили три брата большую сосну в два обхвата, раскололи на поленья, сложили их в высокую кучу, и полез косолапый на самый верх высматривать, где бы огонька добыть да костер подналить...»

Народное творчество

Не любо – не слушай, а лгать не мешай

У старика было три сына: один хромой – больно наперегонки гонялся, а третий, хоть был косолапый, зато только и знал, что ворон считал.

Вот раз пошли стариковы сыновья в лес дрова рубить. Пока хромой работать собирался, пока безногий чесался, а косолапый всех, ворон пересчитал, глядь – и вечер настал. Пора ужин варить, а огня нету... Как быть, как горю пособить? Хромой был умен, безногий – хитер, а косолапый – догадлив: срубили три брата большую сосну в два обхвата, раскололи на поленья, сложили их в высокую кучу, и полез косолапый на самый верх высматривать, где бы огонька добыть да костер подналить.

Глядел-смотрел – и впрямь увидел, что в одной стороне середь леса огонек светится. Пошел за огнем старший брат, хромой. У костра сидит старик. «Здорово, дедушка, дай огоньку». – «Попляши, тогда дам». – «Да я не умею». – «Ну, песню спой». – «Не учился». – «Ну, сказку скажи». – «Я не горазд». «Коли так, – говорит старик, – убирайся, откуда пришел, нет тебе огня!» Воротился хромой ни с чем. «Эх ты, фефела! – говорит ему безногий. – Приходится мне идти».

Пошел безногий – и тоже с пустыми руками вернулся.

Дошла очередь до младшего брата, косолапого. Пришел и он к старику. «Здорово, дедушка!» – «Здорово, соседушка». – «Дай, дедушка, огоньку». – «А ты попляши, меня, старика, повесели». – «Не умею я; куда мне колченогому!» – «Ну, песню веселую спой». – «Больно, я петь-то не горазд». – «Коли так, хоть сказку скажи». – «Вот это мое дело. Только один уговор: я буду сказывать, а ты не перебивай. Если перебьешь или скажешь, что неправду говорю, – с тебя сто рублей». «Ладно!» – говорит старик, а сам сел рядом с косолапым, лысиной к огоньку – такая-то большая да светлая лысина! Вот и начал косолапый сказывать:

«Жил я с младшим моим дедушкой, когда еще он не женат был и батька мой не родился, потому самому, что как начался свет, мне было семь лет. Вот тогда-то жили мы куда богато: от наготы да босоты ломились шесты. Изба у нас была большая: на земле порог, да тут же и потолок – хоть сидеть в избе нельзя, зато поглядеть хороша. Птицы у нас было – одна курица, медной посуды – крест да пуговица, скота – таракан да жужелица, а в упряжь – две кошки лысы да еще один котиноход. А земли сколько было – и глазом не окинешь: пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы сдавали. Посеяли мы на полу-то ячмень, а на лавки семян не хватило. И вырос наш ячмень высок да густ; завелась в нем крыса; как стала ее ловить наша кошка лыса – так заблудилась, что и теперь еще бродит... Собрали мы тот ячмень, а сложить неку-

да. Я, хоть меньшей, да разумом большой – догадался сложить скирду на печном столбе... А бабушка моя была куда резва – на печь три года лезла, лезла-лезла, наклонилась, надвое переломилась да и скирду нашу в лохань уронила. Дед завыл, я заголосил... Бабушку мы лычком сшили – она так еще десять лет ходила, а ячмень из лохани вытащили, пересушили, обмолотили и пива наварили. Сварили мы два пива: одно жидко, а другое – что вода. Выпьешь любого бурак – станешь совсем дурак; а как гостю стакан поднесешь, да за волосы потрясешь, да по затылку поленом оплетишь – так и с ног долой... Да ты слушаешь, дед?» – а сам деда рукавицей по лысине хлоп! «Слушаю, свет!»

«Ну, хорошо. Было у нас всего много: денег девяноста безо ста – мы и счесть не умели спроста. Да и то сказать: сложить такие деньги не во что, а мешка купить не на что... Да была еще у нас лошадь сива, и случись со мной вот какое диво: раз поехал я на ней в лес дрова рубить, и топор у меня сзади за поясом. Еду я рысцой: трюх-трюх, а топор-то по лошади: тюк-тюк! Тюкал-тюкал, да и отсек лошади весь зад... Слушаешь, дед?» – а сам деда рукавицей по лысине щелк! «Слушаю, свет».

«На передке я три года ездил. Раз еду лесом, глядь – а задок моей лошади на полянке пасется. Я его поймал, обротал да потом и пришил к передку березовым прутом. Стала березка кверху расти так, что невмочь уж лошади ее на себе нести, – высоко-высоко выросла. Я надумал по березе квер-

ху лезть. Лезу-лезу, а она все растет да растет, пока в облако не уперлась. Уцепился я за облако и на него вылез. Походил-посмотрел: нету ничего... Слышаешь, дед?» – а сам деда по лысине рукавицей щелк! «Слышаю, свет!»

«Ну, надумал я назад на землю спускаться. Глядь, а лошадь-то мою дедушка поить угнал: не по чем лезть. Стал я на облаке проживать, голодом голодать: совсем отошал. И с той худобы завелись у меня блохи немалые. В ту пору я догадлив был: стал блох ловить, с них шкурки драть да веревку вить; свил веревку длинную, привязал концом к облаку и давай спускаться. На беду не хватило веревочки: до земли далеко, до облака высоко – как быть? А я выдумал: сверху-то отрежу да на низ наставлю, отрежу да наставлю, отрежу да наставлю...

Да ты слышаешь, дед?» – а сам деда по лысине рукавицей хлоп! «Слышаю, свет; и все твои речи – правда истинная!»

«Резал я, резал; до того дошло, что и наставлять больше нечего. Я сажу, не тужу, по сторонам гляжу: мужик овес вет, полова вверх летит. Я скорей полову ловить да веревку вить; вил-вил-вил, мертвую крысу завил. Ни с того, ни с сего крыса ожила да веревку-то и перегрызла. Как полечу я вниз... Летел-летел, летел-летел, летел-летел... Слышаешь, дед?» – «Слышаю, свет». – «А, чтоб тебя!.. Ладно. Сколько я летел, что и за сто рублей не скажешь, и свалился в болото, в трясины по самый рот ушел; хотел было воды напиться, да шею наклонить нельзя. Прибежала лиса, на моей голове

гнездо свила, семерых лисят принесла. Шел мимо волк, лисят уволок, а я успел его за хвост схватить. Как уцеплюсь да закричу: тю-тю-тю! Волк меня из болота и вытащил».

Совсем беда приходит косолапому: скоро уж и рассказывать нечего, а дед все не спорит, все не перебивает. Надо, что ни на есть, дальше рассказывать, чтоб своего добиться.

«Из болота я вылез голодный-преголодный. Глядь, а в дупле жареные перепелята сидят. Хотел было я в дупло руку просунуть – не лезет. Делать нечего – сам влез, наелся и растолстел, назад-то уж и не вылезу. Тут я догадлив был: домой за топором сбегал, прорубил дупло пошире и выкарабкался... Пошел я, неведомо куда, и пришел за море в такую сторону, где скот ни почем; за муху с мушонком дают корову с теленком, а за крупных оводов – больших быков. Наловил я тут мух три куля, наменял коров да быков три табуна, пригнал к синему морю – и давай горевать, как стадо домой гнать. Коли корабли нанимать – дорого возьмут, коли вплавь пустить – половина стада перетонет... Как тут быть, дед?» – «Сказывай, сказывай, свет!»

«Вот, я изловчился: ухватил одну корову за хвост, махал-махал, да как пушу – так на другой берег и ткнулась, только на лету раза два перевернулась. Перемахал я все три табуна, остался один бык бурый... Схватил я его за хвост, обвил хвост кругом руки крепко-накрепко, собрался с силою, развернулся, да как махну – так вместе с быком и перелетел через море... Только какая тут со мной беда стряслась! Как

я быка кидал, так, должно быть, ненароком в сторону взял – да и попал в самую преисподнюю... Что тут делать, чем кормиться? Вот и нанялся я у чертей навоз возить. Три года навоз возил – и все на твоём дедушке».

«Ну, уж это ты врешь, свет, – говорит старик. – Не может того быть, чтоб на моем дедушке черти навоз возили!» «Может, не может, а сто рублей подавай!»

Забрал косолапый у старика деньги, взял огня и вернулся к братьям. Сейчас они костер запалили, ужин сварили и так с голоду наелись, что, как заснули потом – так и посе́йчас, должно быть, спят.